Александр Павлов

Чем полезен «культурный поворот» в славистике для исследований Русской революции

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-670-689

Alexander Pavlov

The Benefits of the "Cultural Turn" in Slavic Studies for the Studies of the Russian Revolution

Alexander Pavlov — National Research University Higher School of Economics; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). apavlov@hse.ru

Among the huge amount of books and articles published at the Revolution's Hundredth anniversary, the author focuses on several volumes translated from English into Russian: Yuri Slezkine's "The House of Government", Mark Steinberg's "The Russian Revolution. 1905–1921", and Martin Malia's "History's Locomotives." Comparing the authors' approaches the author draws conclusions about their scientific and political implications. The books reflect trends in the Slavic studies over the last decades. The main trend in the approach to the Revolution comes from the "cultural turn" — a new focus on everyday life. However, importantly, even the newest books do contain old ideological biases of the times of the Cold War era. This applies mainly to Slezkine's and Malia's books, while Steinberg's research is free from old clichés.

Keywords: Russian Revolution, utopia, religion, Slavic studies, cultural turn, culture, everyday life, modernization.

Столетие русской революции, которую раньше называли «Великой русской революцией», «Великим Октябрем» или просто «Октябрем», отмечалось в нашей стране и за ее пределами широко. Разумеется, речь идет не только о постоянном присутствии темы в медиа, но и главным образом о научных мероприятиях и изданиях знаковых текстов. Так, кроме отече-

Павлов А. Чем полезен «культурный поворот» в славистике для исследований Русской революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 670–689.

Pavlov, Alexander (2019) "The Benefits of the 'Cultural Turn' in Slavic Studies for the Studies of the Russian Revolution", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 670–689.

ственных оригинальных исследований (самым интересным с концептуальной точки зрения среди которых стоит назвать книгу Владимира Мау[1]), в 2017 году также было переведено несколько важнейших книг, некоторые из которых уже стали классическими. Более всего это относится к работе Теды Скочпол «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая»[2]. Кроме нее, однако, были переведены и другие работы. В частности, это «Русская революция» Шейлы Фицпатрик и «Великая русская революция. 1905–1921» Марка Стейнберга[3]. Наконец, в 2019 году появился авторский перевод фундаментальной работы историка Юрия Слезкина «Дом правительства. Сага о русской революции», увидевшей свет на английском языке в 2017 году[4]. Это далеко не все, что выходило на русском. Вместе с тем книги Стейнберга и Слезкина особенно выделяются на фоне иных изданий, включая даже работы Скочпол и Фицпатрик. И Слезкин, и Стейнберг уделяют в своих исследованиях особое внимание теме «религии» в широком понимании этого слова. И хотя это именно та тема, которая нас интересует в первую очередь, она остается подчиненной двум другим фундаментальным вопросам, один из которых является очевидным, а второй — чаще всего замалчивается или же на него просто-напросто не обращают внимания: во-первых, идеологические импликации славистики до развала СССР и, во-вторых, ее новейшие трансформации в плане метода и предмета, которые также могут иметь политическое измерение.

Ни для кого не секрет, что западная славистика в качестве наследницы западной советологии несет на себе родовое проклятье политической ангажированности. Во времена холодной войны

1. В последнее время появились новые важные труды историков о Революции. Однако, в то время как историки посвящали свои книги конкретным сюжетам русской революции, движениям или героям, Владимир Мау пытается «схватить» суть социальных трансформаций, именуемых «революциями». См. *Мау В.А.* Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
2. См. *Скочпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
3. См. *Фицпатрик Ш.* Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара, 2018; *Стейнберг М.Д.* Великая русская революция. 1905–1921. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.
4. См. *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2019; Slezkine, Y. (2017) *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press.

советология и ее близкая родственница славистика (и также «русистика») были очень востребованы на Западе. У многих американских историков не просто были политические взгляды, но некоторые из них принимали активное участие в политической жизни. Например, Роберт Конквест, автор нашумевшей и влиятельной книги «Большой террор»[5], посвященной сталинским репрессиям, писал важнейшие тексты Рональду Рейгану, когда тот был президентом Соединенных Штатов, в частности «Что делать, когда придут русские? Руководство по выживанию»[6]. Сегодня, несмотря на то, что холодная война уже в прошлом, отношения между Россией и Западом (главным образом США) вновь далеки от того, чтобы считаться идеальными. Однако слависты уже не стремятся делать ставку в этой политической игре и стараются быть объективными или же декларировать это. Однако это отнюдь не означает, что у них нет собственной позиции в отношении исследуемого ими объекта. Часто их позиция выражается эксплицитно, но еще чаще — имплицитно. Дело в том, что даже сегодня многие авторы, сколь бы рефлексивными они ни были как ученые, воспроизводят ключевые паттерны классической славистики. То есть, оперируя теми или иными категориями и имея собственный взгляд на предмет, они тем самым выражают в текстах, посвященных истории, некоторые ценности, от которых не так-то просто избавиться.

Все это приводит нас ко второму вопросу. Поскольку тема явного идеологического противостояния с СССР в западной славистике отошла на задний план, если вообще не исчезла, то нам необходимо сосредоточиться на другой проблеме — это сама трансформация славистики как гуманитарной дисциплины. Описав эту трансформацию, мы сможем сделать некоторые выводы и о том, как русскую историю и одно из ее важнейших событий оценивают западные ученые. Исходя из этого описания, для нас окажется более понятной тема «русская революция и религия», ставшая основной для книги Слезкина и важной — для работы Стейнберга.

Славистика — гуманитарная дисциплина, и, следовательно, она, как и многие другие области гуманитарного знания, претерпевает конкретные изменения в логике научного развития.

5. См. *Конквест Р.* Большой террор. В 2-х тт. Рига: Ракстниекс, 1991.
6. См. Conquest, R., White, J.M. (1984) *What to Do When the Russians Come: A Survivor's Guide.* New York: Stein and Day.

Общим местом для многих гуманитарных и даже социальных наук стал «культурный поворот» (в широком смысле), возникший в 1980-е, набравший силу в 1990-х и ставший доминирующим в 2000-е годы. Так, в 2000 году британский марксист Терри Иглтон, хотя и сильно заострив свое высказывание, но все же описал его довольно удачно, по крайней мере, в отношении анализа повседневности:

> Некоторые литературоведы, прилежно отражая этот сейсмический сдвиг в значении (поворот к культуре повседневности. — *А.П.*), начали писать о драме эпохи Тюдоров в журналы для подростков или поменяли Паскаля как предмет исследований на порнографию. Неловко смотреть на то, как те, кого учили определять неполные рифмы и дактиль, хватаются за постколониального субъекта, вторичный нарциссизм или азиатский способ производства — проблемы, которые хотелось бы видеть в менее ухоженных руках[7].

Если описывать эту тенденцию более объективно, то она находит отражение в саморефлексии культурной социологии. Так, Джеффри Александер — один из создателей культурсоциологии — собрав свои главные тексты по теме, в 2003 году издал книгу, заявив о возникновении этой новой дисциплины в социальной теории[8]. Если социология культуры занималась большей частью исследованием культурной сферы деятельности общества, то культурная социология делала культуру важнейшей частью общества. Примерно ту же мысль, но гораздо раньше выразил американский марксист Фредрик Джеймисон, заявив в 1984 году, что культура и экономика ныне слились воедино[9]. В рамках культурсоциологии, скажем, один факт, событие или проблема может интерпретироваться или объясняться как ключевое событие для понимания исторического этапа конкретной страны или конкретного общества. Скажем, Александер особое внимание в своих исследованиях уделяет Уотергейтскому скандалу или же пытается помыслить нетрадиционные и даже экзотические для социальной теории темы — например «зло». Особо отметим, что Александер

7. *Иглтон Т.* Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 63.
8. См. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
9. См. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

в своем анализе часто обращается к социальной теории Эмиля Дюркгейма, рассматривая социальные проблемы сквозь призму осквернения сакрального. То есть в рамках культурного поворота социология религии играет не последнюю роль.

Этот поворот к культуре (в том числе к повседневности), конечно, затронул и славистику. Разумеется, сами ученые не могли не заметить этого влияния. Например, одна из наиболее известных советологов Шейла Фицпатрик в своем кратком обзоре историографии русской революции заметила, как «...историки обнаружили в архивах залежи писем (жалоб, доносов, обращений) простых граждан властям, что внесло заметный вклад в быстрое развитие изысканий в сфере повседневной жизни, имеющих много общего с исторической антропологией»[10]. Фицпатрик не описывает это как конфликт поколений (а это определенно не он), но, конечно, обращает внимание, что нынешнее поколение молодых исследователей (среди которых она особо отмечает Олега Хлевнюка и Юрия Слезкина) куда больше интересуется культурной и интеллектуальной историей[11]. На это обращает внимание и Марк Стейнберг:

> По мере того, как социальная история перерождалась в культурную историю, историки стали уделять больше внимания сложному и неуловимому миру дискурсов и позиций, скрывающемуся за событиями, структурами и идеологиями: «дискурсу» — словам, образам, символам, ритуалам, мифам, — который не только дает представление о позициях, но и определяет способность людей понимать свой мир и действовать в нем[12].

Одним словом, в нынешних исследованиях славистики отражена не идеологическая борьба, но главным образом изменения самого подхода к изучению русской и советской истории, за которым, тем не менее, скрываются определенные идеологические позиции, о чем подробнее будет сказано ниже. Книги Слезкина и Стейнберга являются ярким подтверждением этого «сейсмического сдвига», как определяет «культурный поворот» Иглтон. Данный сдвиг становится тем более понятным, если мы также обратимся к другой работе, посвященной, между прочим, и русской

10. *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 26–27.

11. Там же. С. 27.

12. *Стейнберг М.Д.* Великая русская революция. 1905–1921. С. 16.

революции — «Локомотивы истории. Революции и становление современного мира», написанной американским советологом-славистом Мартином Малиа[13]. В книге (и концепции революции) Малиа религия, между прочим, также занимает важнейшее место, потому что все первые европейские революции, согласно историку, случались из-за ересей.

Очевидно, что классические советологические работы были заряжены политически. Поэтому куда интереснее иной ракурс рассмотрения темы — это попытки строго социологического или даже позитивистского изучения революции/революций западными историками, то есть речь идет об исторической социологии. Дело в том, что изначально те историки, которые хотели не просто описывать какие-то сюжеты и события, но производить какие-то полезные обобщения, пытались построить модели революции. Самые яркие тому примеры — книги Крейна Бринтона, Баррингтона Мура-младшего и Теды Скочпол[14]. Подход Бринтона знаменовал собой первую попытку отхода от обычной истории к социологии. Первое издание «Анатомии революции» вышло в 1935 году, а второе — в 1965 году, и уже тогда выглядело устаревшим. Бринтон рассматривал четыре «модели» революции — революции в Англии, Франции, Америке и России — пытаясь найти во всех них некую регулярность, описывая их логику развития в виде «маятника». С его точки зрения, революции начинаются в момент кризиса старого порядка, тогда фанатики захватывают власть, затем устраивают террор, но, не выдержав давления и репрессий, общество начинает сопротивляться. После этого «лихорадка» спадает, и политическая ситуация стабилизируется. Проблема в том, что все эти модели строились почти исключительно на опыте Французской революции и экстраполировались на все другие революции. Однако, не справившись с кейсом «русской революции», не поддающейся обобщению в контексте рассматриваемых революций, Бринтон нашел выход и описал ее как уникальный пример, назвав «перманентной революцией»[15].

13. См. *Малиа М.* Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015.

14. *Мур-младший Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016; *Скочпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая; Brinton, C. (1965) *The Anatomy of Revolution*. New York: Vintage Books.

15. См. *Малиа М.* Локомотивы истории. С. 353–354.

И хотя, как свидетельствует Мартин Малиа, после Второй мировой войны от теории Бринтона стали отмахиваться как от «примитивного “естественнонаучного” подхода», например, Шейла Фицпатрик продолжает его уважительно цитировать, ничуть не сомневаясь в правильности подхода. Особенно она делает акцент на анализе Бринтоном террора. Точно так же цитирует Бринтона и Юрий Слезкин, впрочем, как и Малиа[16]. Иными словами, даже относительно свежая книга Фицпатрик, первое издание которой вышло в 1982 году, «страдает» от наследия первых попыток помыслить революцию вообще и русскую революцию в частности «научно», в том смысле что они опираются на подходы, сегодня признанные устаревшими, о чем речь пойдет далее. Дело в том, что под «научностью» в течение нескольких десятилетий подразумевались модели, построенные по образу естественнонаучных дисциплин. В том же духе выполнена и книга Баррингтона Мура-младшего. Историк попытался построить модели и показать, что там, где капитализм вступал в союз с либеральной демократией («буржуазная революция» в Англии, Америке и Франции), революции привели к процветанию, в то время как капитализм без демократии подготавливал фашизм (консервативная революция сверху в Японии и Германии), а в случае с Китаем и Россией крестьянская революция (без капитализма) привела к установлению коммунистических режимов[17]. Примерно то же утверждала Теда Скочпол, рассматривая кейсы Франции, России и Китая на «структурном уровне», чтобы выявить каузальную схему каждой из великих революций. Такая историческая социология, уже сами концептуальные рамки которой страдали множеством грехов (в частности, она была глуха к личности и культуре), в итоге надоела историкам, и «маятник», если воспользоваться идеей Бринтона уже в совсем ином контексте, качнулся в другую сторону — к культуре. Упоминаемый Мартин Малиа, правда, занимает промежуточную теоретическую позицию: он все еще занимается макроисторией, но уже уделяет внимание культуре и идеологии, не слишком интересу-

16. Слезкин не делает никаких различий в их подходах, и вообще, кажется, его мало интересуют альтернативные исследовательские работы: «Согласно Крейну Бринтону, революция это захват власти “одержимыми” поборниками “небесного совершенства”. Согласно Мартину Малиа, это попытка “перехода от загнившего старого мира к добродетельному новому”». *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. С. 123.

17. *Мур-младший Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии. С. 371.

ясь классовым анализом. В случае Стейнберга и Слезкина мы видим уже совсем другую *историю* — историю повседневности, передающую уникальность опыта личностей, бывших участниками событий русской революции. Впрочем, по иронии, первая книга Мартина Малиа была посвящена интеллектуальной истории русских радикалов XIX века, и в этом тексте автор обильно цитировал дневники и письма[18] — то есть Малиа, если угодно, двигался в обратном направлении.

Итак, давайте посмотрим, в чем именно похожи и чем именно различаются книги Стейнберга, Слезкина и Малиа. Первый критерий сравнения — *эмпирический материал и предмет исследования*. Для Стейнберга это все события, которые происходили с 1905 по 1921 годы, то есть с Кровавого воскресенья и до окончания Гражданской войны. Он рассматривает главным образом частный и повседневный *опыт* переживания революции, работая с пореволюционной журналистикой. Тем самым он не просто оценивает события 1905–1922 годов как историк, но, выбирая двойную перспективу нарратива (современника-журналиста и профессионального историка), также позволяет говорить живым свидетелям истории самим за себя, впрочем, как мы заметили, не избегая интерпретаций и комментирования. У Слезкина хронология шире — он начинает повествование с 1880-х (если не брать в расчет короткий экскурс в историю городского пространства) и идет дальше, показывая, к чему в итоге привели устремления революционных лидеров, завершая 1950-ми годами и экскурсом в дальнейшую историю Дома правительства и его жильцов. Его эмпирический материал — это дневники, письма, мемуары и т. д. Но главное, что делает Слезкин, это сосредотачивает свое внимание на конкретном объекте — Доме правительства, и через судьбы жильцов здания показывает то, как революция начиналась, продолжалась и чем закончилась. У Малиа предмет еще шире — он рассматривает всю европейскую историю, отслеживая, как произошли первые революции в начале XV века (гуситской Богемии) и как стал возможен октябрь 1917 года. В отличие от Слезкина и Стейнберга, Малиа занимается не микроопытом «повседневности», но макроисторией, попутно, кстати, рассматривая политические импликации историографий каждой разбираемой им революции. Малиа разворачивает логи-

18. См. *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

ку революций как ереси (кроме Богемии, это лютеранская Германия, гугенотская Франция, нидерландское восстание), переходит к классическим атлантическим революциям (Англия, Америка, Франция) и заканчивает Октябрем 1917 — «революцией ради конца всех революций».

Различаются у авторов также *методология и концептуализация*. Метод Стейнберга, можно сказать, авторский, то есть очень индивидуальный, но он в то же время — абсолютно органичный. Совмещение двух перспектив — исторического комментария исследователя и попытки предоставить голосам журналистов трибуну для высказывания — выглядит для истории русской революции чем-то новым. Однако он увлекается «повседневностью», и это главным образом проявляется в третьей части работы, когда он уделяет особое внимание городским улицам революционных событий, заостряя внимание на том, что именно происходило на улицах, а крестьянскую деревню репрезентирует непосредственно через женщин, а не через мужчин. В этой же части он предлагает новый взгляд на революцию, понимая ее как утопию, которая для него во многом связана с темой религиозных исканий или мечтами о полетах, например, в космос. Новое же в его подходе то, что он понимает утопию — в соответствии с духом философии Эрнста Блоха, — как «выход за пределы тьмы проживаемого момента», открытие для себя зарождающееся «пока еще не», а не как детально описанные фантазии о построении рая на земле (что было свойственно многим социалистам-утопистам).

Метод Слезкина раскрывается через исследовательскую оптику — автор репрезентирует революцию через жильцов Дома правительства. Однако это, как выражается сам Слезкин, лишь «первый этаж» дома. И хотя персонажам повествования автор уделяет особое внимание, главными героями его саги остаются дом и правительство, а не люди. Второй этаж — «аналитический»: «В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды семейной саги соотносятся с фазами эволюции не исполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судного дня. По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры»[19]. «Третий этаж»

19. *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. С. 12.

дома, который построил Слезкин, — литературный, причем в буквальном смысле. Для старых большевиков, говорит автор, чтение мировой литературы было важным актом обретения веры, и он показывает, какую роль литература сыграла в интерпретации и мифологизации «веры» революционеров.

Книга Малиа, хотя и меньшая по объему, но куда более плотная в плане работы с материалом и «эпохальная» в том смысле, что отражает логику всех европейских революций — с Реформации и до Русской революции 1917 года. По его мнению, революция — это точка перехода стран «Первой Европы», как определяет их автор, в современность. Каждая страна в своем развитии переживает лишь одну революцию. И чем более «прогрессивна» страна, то есть чем более она развита в плане политической культуры и политических институтов (демократии), не признающих «старой порядок», тем раньше в ней происходит революция. Именно поэтому Россия в «великом нарративе» революции с начала XVI столетия оказывается одной из последних на пути обретения современности. Россия, с точки зрения автора, является «третьей Европой», то есть самой отсталой из европейских стран. Главный двигатель всех западных революций — идеология[20] в широком смысле слова. Поскольку во времена средневековых ересей и Реформации не могло быть политических партий в традиционном смысле слова, функцию политической идеологии выполняла религия. Именно поэтому Малиа рассматривает все еретические движения и расколы в качестве революций. Одним словом, его цель — показать, каким образом развертывалась логика осовременивания мира через прочную и единую цепь революционных восстаний. Сам Малиа определяет свой метод так. С одной стороны, это сравнительная «историческая социология» в духе Алексиса де Токвиля, с другой — это «веберовское» чуткое восприятие социальной роли христианства: «Имеется в виду установление связи доктринального содержания и институциональных структур христианства с политическим и социальным процессом демократической эскалации»[21]. В таком понимании

20. Тезис Малиа находит подтверждение в довольно неожиданных областях знания. Так, британский историк политической мысли Квентин Скиннер считает, что «современная политическая мысль» среди прочего в своей основе имеет различные «идеологии», связанные с религией — глоссаторы, постглоссаторы, риторы и проч. См. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: В 2-х тт. М.: Дело, 2018.

21. *Малиа М.* Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. С. 17.

в Европе *прото*революции начинались с ереси, то есть с политического восстания, переопределявшего сферу духовного.

Если сопоставить позиции Слезкина и Малиа, то первый сильно проигрывает в свете последнего. Малиа, ориентируясь на классическую немецкую социологию (важными источниками его теории становятся исследования Макса Вебера и Эрнста Трельча), показывает, как именно в европейской истории религия становится фактором социальных изменений. Тем самым его объяснение всех революций, изначально вытекавших из средневековых теологий, является последовательным, изящным и научным. В этом смысле макроанализ Малиа внутренне непротиворечив. В то же время между «двумя этажами» дома Юрия Слезкина нет прочной и функциональной лестницы: читателю приходится забираться на второй этаж по веревкам, которые еще предстоит отыскать, и, поднявшись, он вдруг видит, что этот, второй, аналитический этаж застроен хуже всего. В третьей главе своей книги «Вера» Слезкин предлагает экскурс в историю религий, чтобы прийти к уже давно избитому тезису: марксизм — это милленаризм, свойственный некоторым религиозным сектам. Марксизм Слезкин рассматривает по аналогии с христианством. Так, «Маркс, как и Иисус, умер непризнанным пророком с горсткой учеников», «Как и Иисус, он был посмертно воскрешен варварами, присвоившими его пророчество (под знаменем апокалипсиса, в котором “может участвовать русский”)»:

> ...безгрешное братство первобытных коммунистов, первородный грех разделения труда, деление человечества на сытых и голодных, мученичество и воскресение вселенского искупителя, последний бой между силами света и тьмы и окончательное преодоление тщеты и непредсказуемости земного бытия[22].

Иными словами, там, где Малиа (советолог «старой школы») претендует на серьезную концептуализацию и традиционно понимаемую научность (главным требованиям которой являются обобщения макроуровня), Слезкин (славист «нового поколения»[23]) прибегает к весьма сомнительной интерпретации большевиков как милленаристов-сектантов, причем сектантов в прямом смыс-

22. *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции С. 117.

23. К слову, Слезкин преподает в университете Беркли, Калифорния — там, где практически всю жизнь проработал Малиа.

ле этого слова. Проблема в данном случае не в том, что такой взгляд является спорным, но в том, что это — давно пройденный этап не столько в славистике, сколько в анализе революции и понимании марксизма в целом. Так, в конце 1960-х годов христианский консерватор Гэри Норт опубликовал книгу «Марксова религия революции» (не раз переиздававшуюся), в которой, отметив ставший традиционным «религиозный анализ» марксизма, он попытался пойти дальше и сказать, что религией Маркса был не христианский мессианизм, а «...переделанная на современный лад древнеязыческая религия революции»[24]. Если учесть, что религиозное прочтение Маркса уже в 1960-х выглядело трюизмом, то концептуализация Слезкина представляется слишком старомодной и, можно сказать, банальной. При том что автор то ли делает вид, что не знает, то ли в самом деле не знает, что до него это было сказано не раз и на разные лады. Одним словом, «первый этаж» (обилие эмпирического материала повседневности революционеров) и «второй этаж» (концептуализация этого материала) «Дома правительства» плохо смыкаются друг с другом. И если первый этаж прекрасно отремонтирован и обжит, то ремонт во втором сделан совсем в ином ключе, напоминая плохо отреставрированную старину.

И здесь мы выходим на *проблематику «идеологической позиции»* тех из упоминаемых славистов, которые обращаются к теме русской революции. Так, Малиа никогда не скрывал своей ненависти к СССР в частности и социализму вообще. Он считал Россию отсталой, а реализованный коммунизм — настоящим злом. В книге «Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991» он критиковал западную советологию за то, что та пыталась «умерить диссидентство», увещевая несогласных с советской властью не начинать активных действий, а ожидать, пока режим не начнет демократические реформы сверху. Также очевидно, что Слезкин обращается к интерпретации революционеров, которая была политическим инструментом в советологии и славистики в идеологическом противостоянии времен холодной войны. Так, отечественный политический философ левой ориентации Артемий Магун на своей странице в Facebook высказался о книге Слезкина следующим образом:

24. *Норт Г.* Марксова религия революции. Возрождение через хаос. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1994. С. xv.

> На фоне прихода нового молодого поколения славистов, освободившегося от груза холодной войны и занимающего левые, философски рефлексивные позиции, эта книга заслуженного исследователя выглядит как приглашение к межпоколенческой войне. Тщательнейшее эмпирическое исследование и популярное изложение сочетаются со стереотипной пропагандой контрреволюции, знакомой по 200-летней истории европейской реакции, начиная с Жозефа де Местра. Большевики — скрытые религиозные фанатики. Вау! Слезкин так воодушевлен этим «открытием», что посвящает его обсуждению половину толстенной книги (в которой сам материал, про быт большевиков в 1930-е, конечно очень занимателен). Ничего, даже если забыть про Бердяева, что этот тезис был в рамках холодной войны проведен, классически, Эриком Фегелином и вызвал большую полемику. Ничего, что сегодня есть большая литература по «политической теологии» социализма, убедительно показывающая метафоричность в ней религиозных отсылок (прежде всего Роланд Бур, а до него ведь был еще Ханс Блюменберг). Ничего, что и внутри либеральной традиции есть исследования сектантства (А. Эткиндом, например), гораздо более взвешенные, эмпирически широкие, а главное, рефлексирующие относительно опасности реакционного прочтения. Фегелина, Бура и Блюменберга Слезкин не читал, Эткинда правда упоминает 2 раза в сносках. Он ученый, эмпирик и читает только то, что есть в первоисточниках. И, что неудивительно, падает жертвой крайне правой идеологической традиции, живущей в его бессознательном[25]. (Пунктуация и орфография сохранены.)

Иными словами, за, казалось бы, новаторским подходом к славистике (акцент на повседневности) у Слезкина скрывается старая «идеологическая схема», а это отбрасывает его книгу на несколько десятилетий назад, когда западных историков в том, что сегодня называется «исторической политикой», больше интересовала «политика», нежели «история». Например, текст Шейлы Фицпатрик имеет тот же самый «первородный грех». Она, между прочим, также, как и Слезкин, позволяет себе религиозные метафоры и высказывается о революционерах вполне однозначно: «Они — манихейцы, и мир в их глазах разделен на два лаге-

25. См. *Магун А.* «Книга Слёзкина выходит по-русски...» [https://www.facebook.com/artemy.magun/posts/2144837125592155 дата доступа от 24.03.2019].

ря: света и тьмы, революции и ее врагов»[26]. Но в данном случае дело не в том, что религиозное прочтение большевизма — общая и уже давно сформировавшаяся установка славистов. Фицпатрик руководствуется старым (политическим) подходом к революции, утверждая, что революции *обязательно* заканчиваются утратой иллюзий и разочарованиям — паттерн, заданный еще Крейном Бринтоном в 1935 году[27]. В соответствии с этим паттерном историкам обязательно нужно рассказать о «большом терроре» и о «сталинских чистках», что, разумеется, делает Фицпатрик, посвящая теме треть своей книги. Ровно то же самое делает и Юрий Слезкин, также рассматривая террор в третьей части своей саги. Но что пропадает у Слезкина, но все еще было у Фицпатрик, это тема «модернизации» — еще одна политическая установка славистики. И хотя Фицпатрик замечает, что «Слово “модернизация” в эпоху, нередко называемую постмодерном, начинает отдавать архаикой»[28], сама проблема «модернизации» была важна для западных гуманитарных и социальных наук в 1960-е. Однако в итоге социальные теоретики и политологи от нее были вынуждены отказаться, так как «модернизация» (перестройка мира по западному образцу) стала означать «колониальный подход» и неуважение к незападным странам, имеющим право на собственный путь развития[29]. Эту — традиционную — точку зрения на модернизацию мы обнаруживаем в книге Баррингтона Мура-младшего. То есть в то время как Юрий Слезкин делает шаг в сторону от темы модернизации к повседневности, он не просто избавляется от одного из ключевых сюжетов «прежней» славистики («религиозная» интерпретация большевизма), но строит на нем свою концепцию.

В этом свете книга Марка Стейнберга разительным образом отличается от труда Слезкина и также книги Фицпатрик, написанной, впрочем, как мы помним, значительно раньше. Стейнберг старается быть настолько лояльным предмету исследования, что называет революцию по старой советской традиции — «великой русской революцией». И он не просто обращается к «культу-

26. *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 27.

27. Там же. С. 15–16.

28. Там же. С. 29.

29. Александер в своей книге подробно описывает, как и почему «умерла теория модернизации», в частности: «Решающим фактором для поражения теории модернизации скорее стало разрушение ее идеологического, дискурсивного и мифологического ядра». *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. С. 541.

ре повседневности», но старается избегать традиционных подходов к русской революции и в принципе отказывается от оценок. Во-первых, что принципиально важно, свой нарратив он заканчивает 1921 годом и тем самым, не обращаясь к «большому террору», заявляет о ценности опыта самой революции. На протяжении книги мы знакомимся с русской революцией в ключевые годы, отмеченные не только насилием и кровью, но также и невероятным энтузиазмом и большими надеждами. Во-вторых, Стейнберг отказывается от однозначной позиции. В предисловии к русскому изданию своей книги он специально замечает, что в тексте звучит слишком много противоречивых мнений о революции. Такой подход к повествованию многие читатели раскритиковали: они просто-напросто не могли извлечь внятные обобщения и объяснения[30]. Наконец, в-третьих, Стейнберг прибегает к совершенно новым категориям в анализе русской революции — пункт, на котором остановимся подробно.

Выше мы отмечали, что Стейнберг посвящает последнюю главу третьей части своей книги теме утопии. Казалось бы, это традиционная тема для анализа русской революции. Так, тот же Мартин Малиа считал и коммунизм, и сталинские чистки «извращенной логикой утопии»[31]. Однако Стейнберг понимает утопии не как проект, попытки воплотить в жизнь который обязательно приводят к последующим трагедиям. Для Стейнберга утопия понимается в духе двух немецких неомарксистов — Вальтера Беньямина и прежде всего Эрнста Блоха. Так, Блох, на протяжении жизни симпатизирующий СССР, считал русскую революцию, в отличие от других революций, благом, принесшим свободу и надежду всем людям мира. Блох часто описывал утопию как «еще не», то есть устремленность в будущее, которое мы даже не можем помыслить или предсказать. Обращаясь к этой идее, Стейнберг пытается указать именно на такие утопические мечтания революционеров: в книге это Лев Троцкий, Александра Коллонтай и Владимир Маяковский[32]. И хотя в самой работе Стейнберг не акцентирует внимания на теме религии[33], он делает

30. *Стейнберг М.Д.* Великая русская революция. 1905–1921. С. 9.

31. См. *Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. С. 507–520.

32. См. *Стейнберг М.Д.* Великая русская революция. 1905–1921. С. 444–532.

33. Хотя очевидно, что это один из его главных интересов. Так, он выступил соредактором сборника эссе, посвященных теме религии и России. См. Steinberg, M., Cole-

это в другом месте — в статье «Крылья революции», представленной в настоящем издании. В тексте «Крылья революции» он проговаривает многие вещи, ставшие важными в плане концептуализации его книги. В «Крыльях революции» утопию он связывает с религией, правда, понимаемой также в специфическом ключе:

> Созвездие этих образов и идей было явственно религиозным. Под «религией» в данном случае я понимаю культурную практику, в рамках которой жизнь и ее смыслы воспринимаются не с точки зрения обыденности, но как открытые чему-то трансцендентному, практику, которая сообщает больший смысл повседневному, обретая этот смысл через повседневное[34].

В «Крыльях революции» Стейнберг разворачивает свой анализ вокруг скульптурного памятника, созданного советским художником Сергеем Коненковым и установленного на Красной площади в рамках ленинского проекта «монументальной пропаганды». Стейнберг предлагает рассматривать эту скульптуру как наполненную религиозной символикой. Однако далее Стейнберг обращается к утопии, которая в смысловом плане поглощает религию. Иными словами, в его интерпретации «религия» оказывается подчиненной утопии, понимаемой как что-то позитивное, по крайней мере, для повседневного опыта переживания исторического момента. Даже если бы такая трактовка была в корне неверной, сама попытка рассуждать о русской революции в таких — новых для славистики — категориях выгодно отличает позицию Стейнберга от его коллег.

Само по себе такое понимание утопии, присущей русской революции, позволяет избежать многих ловушек в интерпретации ее как «трагедии» и вывести нарратив о русской революции на совершенно иные темы. Так, Стейнберг в одном месте замечает, что в довоенные и военные годы многие рабочие писатели «представляли себя в полете», как будто своими подвигами они вдохновляли других людей на великие свершения. Дело в том, что революционеры и творческие люди, поддержавшие революцию, возможно, не в меньшей мере, чем кто бы то ни было, мечтали также о космосе и колонизации других планет, например, Марса. И потому, скажем, интерпретация революционеров как «фан-

man, H. (eds) (2007) *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

34. *Стейнберг М.* Крылья революции. См. текст в текущем номере.

тастов», «утопистов» или даже «космистов», а не «секты» могла бы быть куда более привлекательной. Между прочим, по стечению обстоятельств в этом же году вышла также книга «Воинствующий модернизм»[35] британского левого урбаниста Оуэна Хезерли — к слову, одного из немногих авторов, посмевших высказать критику в адрес революционной саги Юрия Слезкина[36]. Рассуждая о раннем советском модернизме, Хезерли, например, делает акцент на зачарованности первых революционеров космосом и на значении московского планетария в символическом пространстве советской политики[37]. Попытка прочитать русскую революцию вокруг мечтаний революционеров о полетах в космос сама по себе могла бы стать интересным сюжетом, однако в данном случае нам достаточно заметить, что взвешенная и осторожная интерпретация Стейнберга находит поддержку в иных источниках.

Наконец, мы обнаруживаем в книге Стейнберга совсем уже радикальные темы — совершенно несвойственные англоязычным текстам, посвященным русской революции. Так, если Шейла Фицпатрик описывает русскую революцию в трех категориях (модернизации, классовой мобильности и «большого террора»), то Стейнберга интересуют совсем другие вещи — личность как субъект истории, всевозможные виды неравенства (этническое, гендерное, а не только классовое), история как опыт существования в потоке времени и, «возможно, самая важная тема»: «...каким образом люди понимали “свободу”, жили с ней и использовали ее на практике»[38]. В статье «Крылья революции» Стейнберг обращается за теоретической поддержкой своего тезиса к эссе Ханны Арендт «Что такое свобода»[39], связывая ее рассуждения с концепциями Блоха и Беньямина. Конечно, в этой связке мы обнаруживаем самую большую кон-

35. См. *Хезерли О.* Воинствующий модернизм. Защита модернизма от его защитников. М.: Кучково поле, 2019.

36. «Стабильна ли конструкция самого Слезкина, построенная на болоте советской истории? Не совсем. Одна из важнейших ее проблем заключается в том, что Дом и его жильцы изолированы от событий, происходящих вокруг них». Hatherley, O. (2017) “The House of Government by Yuri Slezkine review — the Russian Revolution told through one building”, *The Guardian* [https://www.theguardian.com/books/2017/dec/15/the-house-of-government-by-yuri-slezkine-review-russian-revolution, accessed on 15.12.2017].

37. *Хезерли О.* Воинствующий модернизм. Защита модернизма от его защитников. С. 47–71.

38. *Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. С. 22.

39. См. *Арендт Х.* Что такое свобода // Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 217–258.

цептуальную проблему Стейнберга, так как в знаменитой книге «О революции» Арендт в духе классической советологии описывает две модели революции — американскую и французскую — правильную и неправильную[40]. Для второй важен вопрос социального равенства, в то время как для первой главное — свобода. Стоит ли говорить, что с точки зрения Арендт, русская революция воспроизводила модель Французской (на чем делают акцент большинство западных историков)? Но, несмотря на проблематичность трактовки свободы, тем более ценным становится подход Стейнберга. Сама по себе постановка проблемы свободы в контексте «великой русской революции» делает его книгу поистине уникальной в сравнении с большинством трудов западной славистики. Но, конечно, подход Стейнберга, который почти игнорирует тему насилия и машину *подавления* личности (что не исключает опыта свободы), следует совмещать с другими подходами, в которых на этих темах делается акцент. Только тогда можно будет составить адекватное понимание опыта русской революции.

Теперь мы можем прийти к очевидному выводу. Ушедшее в прошлое противостояние России и Запада времен холодной войны позволило западным славистам скорректировать позиции и стараться избежать идеологических следствий их исследований. Этой тенденции способствовал «культурный поворот» в гуманитарных науках. Однако мы видим, что «первородной грех» советологии все еще сказывается даже в новейших исторических исследованиях — в той их части, когда авторы обращаются к прежним категориям «научного подхода» — модернизации, «большому террору» или интерпретации революционеров как религиозной секты. В то же время попытка найти новый язык описания русской революции, в котором акцент делается на повседневность, позволяет историкам делать более взвешенные выводы или не делать выводов вовсе. Это не означает, что книги Мартина Малиа и Юрия Слезкина плохие или хуже, чем работа Марка Стейнберга. Но это означает, что если, скажем, читать на тему русской революции только «Дом правительства», присутствие которой в нашем медийном пространстве ощущается сильнее других работ, то о русской революции можно составить не вполне корректные представления. Вот почему все три книги, в фокусе внимания которых находится тема религии, пусть и понимаемой по-разному, лучше читать вместе. В таком слу-

40. См. *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011.

чае взгляд на проблему революции 1917 года будет более объективным и объемным.

Библиография / References

Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.

Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.

Арендт Х. Что такое свобода // Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 217–258.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

Иглтон Т. Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Конквест Р. Большой террор. В 2-х тт. Рига: Ракстниекс, 1991.

Магун А. «Книга Слёзкина выходит по-русски...» // facebook.com [https://www.facebook.com/artemy.magun/posts/2144837125592155, доступ от 24.03.2019].

Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

Малиа М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015.

Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002

Мау В.А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Норт Г. Марксова религия революции. Возрождение через хаос. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1994.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2-х тт. М.: Дело, 2018.

Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ; Corpus, 2019.

Стейнберг М.Д. Великая русская революция. 1905–1921. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

Хезерли О. Воинствующий модернизм. Защита модернизма от его защитников. М.: Кучково поле, 2019.

Alexander, J. (2011) *"Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursottsiologiia"* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praxis.

Arendt, H. (2011) *O revolutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa.

Arendt, H. (2014) "Chto takoe svoboda" [What is Freedom], in H. Arendt *Mezhdu proshlym i budushchim*, pp. 217–258. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Brinton, C. (1965) *The Anatomy of Revolution*. New York: Vintage Books.

Conquest, R. (1991) *Bol'shoi terror. V 2-kh tomakh* [The Great Terror. In 2 Vol.]. Riga: Rakstnieks.

Conquest, R., White, J.M. (1984) *What to Do When the Russians Come: A Survivor's Guide*. New York: Stein and Day.

Eagleton, T. (2012) *Ideia kul'tury* [The Idea of Culture]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.

Fitzpatrick, S. (2018) *Russkaia revolutsiia* [The Russian Revolution]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Hatherley, O. (2017) "The House of Government by Yuri Slezkine review — the Russian Revolution told through one building", *The Guardian*. 15.12.2017. [https://www.theguardian.com/books/2017/dec/15/the-house-of-government-by-yuri-slezkine-review-russian-revolution, accessed on 24.03.2019].

Hatherley, O. (2019) *Voinstvuiushchii modernizm. Zashchita modernizma ot ego zashchitnokov* [Militant modernism. A defense of modernism against its defenders]. Moscow: Kuchkovo pole.

Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Magun, M. (2019) "Kniga Slezkina vykhodit po-russki..." [Slezkine's Book Comes Out in Russian...], Facebook.com [https://www.facebook.com/artemy.magun/posts/2144837125592155, accessed on 24.03.2019].

Malia, M. (2002) *Sovetskaia tragediia. Istoriia sotsializma v Rossii 1917-1991* [The Soviet tragedy: a history of socialism in Russia, 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.

Malia, M. (2010) *Alexander Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855*. [Alexander Herzen and the birth of Russian socialism]. Moscow: Territiriya budushchego.

Malia, M. (2015) *Lokomotivy istorii. Revolutsii i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World]. Moscow: ROSSPEN.

Mau, V.A. (2017) *Revolutsiia: mekhanizmy, predposilki i posledstviia radikal'nykh obshchestvennykh transformatsii* [Revolution: mechanisms, prerequisites and consequences of social transformations]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Moore, B. (2016) *Sotsial'nye istoki diktatury i demokratii* [Social origins of dictatorship and democracy]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House

North, G. (1994) *Marksova religiia revolutsii. Vozrozhdenie cherez khaos* [Marx's religion of revolution: revival through chaos]. Ekaterinburg: "Ekaterinburg" Publishing House.

Scocpol, T. (2017) *Gosudarstva i sotsial'nye revolutsii: sravnitel'nyi analiz Frantsii, Rossii i Kitaia* [States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Skinner, Q. (2018) *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli: v 2-kh tomakh* [The Foundations of modern political thought. In 2 Vol.]. Moscow: Delo.

Slezkine, Y. (2017) *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press.

Slezkine, Y. (2019) *Dom pravitel'stva. Saga o russkoy revolutsii* [The House of Government: A Saga of the Russian Revolution]. Moscow: AST; Corpus.

Steinberg, M. (2018) *Velikaia russkaia revolutsiia. 1905–1921*. [The Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Steinberg, M., Coleman, H. (eds) (2007) *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia*. Bloomington: Indiana University Press.